

ГРУСТНЫЕ ДНИ ВЕСЕЛОГО ЖАНРА

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ

«...Я видел спектакли в ряде столиц мира и могу сказать, что наш театр музыкальной комедии этим своим спектаклем создал настоящее искусство. Большое и обидно, что даже этот спектакль не удостоился внимания наших театров и печати... Театр нуждается в достойно более лучших условий и прежде всего настоящего театрального здания. Неужели можно замечательный коллектив этого театра арктическими держащими таким старанием сносить?»

Это не мои слова. Они принадлежат перу крупнейшего армянского поэта, драматурга и общественного деятеля Наяри Заряна, высказанные им в статье, посвященной в «Грехая терза» в 1967 году после просмотра спектакля «Моя прекрасная леди» Ф. Лоу.

Но то было 11 лет назад, когда зритель все же входил в театр музыкомедия с парадного входа, оставшая на пешеходную верхнюю одежду, по маршовой лестнице, освещенной электрическими огнями, поднималась вверх, прогуливаясь в фойе, входил в зрительный зал и смотрел очередную премьеру театра.

Несмотря на неприспособленность зала, да и в свое здание, коллектив театра, тем не менее, имел какие-то условия для работы, было где артистам репетировать, в цехам производили декорации, реквизит и бутылочку.

Ну кто из нас, театральных работников, не загадывала вместе с Наяри Заряном вперед, в завтрашний день, в преданиях — того, что этому зданию не суждено вечная жизнь, что оно стареет на глазах и подальше, когда оно с последним вздохом разваливается. Но никому не было дела до театра музыкомедия и его насущных нужд. Ждала гроза, чтобы перевернулась, вернее всего, подумать о грозной опасности, в этот гром пронесся над театром.

ЗАКОЛОЧЕННЫЙ ПОДЪЕЗД

Пять лет назад театру музыкомедия был вынесен окончательный приговор: здание находится в аварийном состоянии и в нем нельзя работать (о творчестве и говорить нечего). И началось его скитальческая жизнь по районам, на случайных площадках, да для на сцене театра им. К. Сталинского, столько же но Дворца культуры железнодорожников, но без предоставления театру места в аренде для репетиций.

Однако театр — это не только спектакли, но и репетиции, тем более театр музыкальной комедии, отличный от драматического, вмещающего в своем жанре хор, балет, певцов, оркестр, которым надо свести воедино репетировать и достичь единого звучания.

Но о профиле и жанре театра никто.

Я подхожу к парадному входу театра со стороны площади и вижу его наглухо заколоченным. Заглавными черными щелями вижу весь лестничный пролет, заваленный старыми декорациями. Вхожу в здание через служебный вход, прохожу через фойе, вхожу в репетиционную комнату, в зрительный зал... Входу старые декорации, оббитые трюмы, поломанные стулья и столы, небрежные полки, грязные стены, запыленные пятнами дождевыми узорами...

Перо не способно полнее передать все это запустение, находящееся в центре города, в нескольких шагах от центральных площадей города, окруженной величественными зданиями... В этом помещении театра артисты не ходят, а бродят с потерянными лицами, не ходят, а скользя, говорят даже вполголоса, чтобы стены не развалились от... впадения. Несколько утрировано, но близко к факту.

Но здесь я отключалась в сторону перо в глубокой задумчивости. Неужели тем, кому надлежит в первую очередь позаботиться о театре музыкомедия неведомо все это? Думаю, что известно. А толку никакого.

А между тем есть план. За пять лет театр музыкомедия должен был выпустить не меньше тридцати новых спектаклей, а выпустил — один.

И все же, несмотря на все эти невзгоды, театр музыкомедия им. А. Погосяна, затопленный в суровые годы войны, работает и не умирает. Я не вернусь против истины, если скажу, что он наиболее любимый среди остальных театров. Жанр музыкальной комедии очень популярен в народе. Вот почему на его спектаклях не обнаруживаются свободные места, а прибавлялся к кассе театра, слышны за сценой: «Нет лишнего билета!»

Нет, это из категории феноменальных явлений, не иметь здания в всего того, без чего невозможно деятельность театра, и всегда с неизменным успехом показывать спектакли, поставленные лет 10—14 назад, как «Требуется леди» А. Псафса, «Моя прекрасная леди» Ф. Лоу, «Ах, нервы, нервы» Г. Тер-Григорян, «Любовь под звездами» А. Айвазяна, «Иностранная жена» А. Папианя или же возобновленная К. Хачатрянком постановка «Сильнее» И. Кальмана.

Наш театр музыкомедия работает в совершенно неординарных условиях.

Писалось ли об этом в прошлом? Много раз. Кроме Наяри Заряна, были статьи в журнале «Театр» (автор К. Хачатрян), «Советская армия» (автор Х. Ахьян) и другие.

Писали, просили, требовали... Молчали. Молчала я те ответственности за театр, кто

гордо впадала «Сильнее» в «Мой прекрасной леди». Эстет и любитель музыки быстро уступал место равнодушному администратору.

НОВЫЕ СИЛЫ, СТАРЫЕ СПЕКТАКЛИ

Следует поговорить серьезно о целом ряде творческих проблем и, прежде всего, о профиле театра. Он был организован как театр музыкальной комедии с использованием и классического опереточного репертура. Так театр работал четыре года. Но он начал постепенно отходить от своего предназначения, став на музыкальные комедии, а комедии со старинными музыкальными сюжетами, что, конечно, не одно и то же. Я уже не говорю об опереттах, которые просто немисливо готовить при отсутствии соответствующих творческих сил и условий, хорроры востановки и тандемов этого жанра.

Утеря своих жанровых особенностей привела к тому, что в активе театра не имеются специальные либреттисты и композиторы, которые писали бы новые музыкальные комедии. Они когда-то были крепко связаны с театром и обидно, что о них позабыли.

Жанр музыкальной комедии — жанр молодой, где спектакль должен быть пронизан темпераментом, веселым, радостно. А между тем тупила театра с начала своего существования формировалась не по профессиональному признаку, а совершенно во другим. Я не говорю о блистательных представителях этого жанра И. Я. Айвазяна, К. Хачатрянца, о большом мастере комедий Т. Саргисе или же комедийной артистке С. Григорян. Но ведь годы немилосердны, а жанр остается неизменным.

Вот уже пять лет в театре работают выпускники факультета музыкальной комедии Ереванского художественно-театрального института, среди которых немало одаренной молодежи. Но что из этого, если театр за это время не создал ничего нового и эти молодые сами только впадали в старые спектакли?

Музыкально — удел молодого, а средний возраст творческого коллектива составляет 56 лет. Не молодого ли? Я уже не говорю о том, что в творческом коллективе забывается не меньше 10 человек, не работающих вообще, но регулярно получающих зарплату.

Очень хорошо, когда в оперном театре работает режиссер с музыкальным образованием, так же, как и в театре музыкальной комедии. Но отсутствие таковых вынуждает театр приглашать драматических режиссеров. В этом отношении большую пользу принесли театру режиссеры А. Каматрян, А. Гулякин, В. Аджемян, Т. Саргис, поставившие в разные годы превосходные комедийные спектакли, а за драматическим пулом стоял

такой крупнейший мастер, как Армен Тер-Овсисян...

Но ведь из лет, в нало думать о многих творческих проблемах, которые, независимо от отсутствия здания, все-таки должны быть в центре внимания руководства театра и Министерства культуры. Отсюда, что главным режиссером театра назначен способный режиссер Е. Каматрян. А когда, все же, зритель увидит настоящие музыкальные комедии, оперетты советских и зарубежных авторов? Я более чем уверен, что многие из старшего поколения зрителей, да и артистов, забывших их названия, а более молодое — вообще не видело и не имеет понятия об этих опереттах.

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ?

Подсчитаем в уме: сколько понадобится лет, чтобы разрушить старое здание театра и построить на этом месте новое? Не менее пяти. А то и все десять... Грустный долог! Лестный профессиональным вакуум, когда и нынешняя молодежь состарится, а из старых кадров никого не останется...

Печальная картина бесперспективности, неопределенности и пустопроторного ожидания. Проходя мимо нынешнего здания, читаешь на его фасаде: «Государственный театр музыкальной комедии им. А. Погосяна», а на самом деле наблюдаешь негосударственный поход к его деятельности.

И что самое удивительное и непонятное во всей этой истории — безразличное отношение Министерства культуры к нуждам своего же театра, не прошедшего истинности в деле строительства здания. Допустим оно не в силах решить эту проблему, зависящую от Госплана, Госстроя, других руководящих организаций. Но ведь можно же было тому же Министерству культуры даже в этих условиях создать театру более или менее хорошие условия для работы.

Могут возразить, что театр музыкомедия имеет 2 дня в жизни русского театра. Но это не два дня, а два вечера, и только для показа спектаклей. А театр нуждается в трех днях как минимум, днем — для репетиций, а вечером — для спектаклей. Тоже самое и в отношении Дворца железнодорожников.

А что в силах было министерству, как это делалось в отношении других театров, пошедших в аналогичные условия.

И все же, несмотря на то, что коллектив театра пока что настроен оптимистически, подогрешенный своими надеждами, неспешно день, когда все те, кто знает зависимость от нового здания театра, выпалит свои обещания.

Н. КАГРМАНОВ, заслуженный деятель искусств, кандидат искусствоведения.